

Авторское примечание: Я видела, что Цуй Мин-дэ оставалась невозмутимой, как вода, а лицо Дугу Шао постепенно бледнело. Та оглянулась на окружающих, а затем, взглянув на меня, улыбнулась с явным усилием:

— Вот почему я не люблю таких, как вы. Говорите одними загадками. Мы, выросшие в военных лагерях, ничего не понимаем в этих ваших витиеватых речах. Цуй Вторая, ты тоже, зная, что Вэй Хуань пострадала из-за Эрнян и что Эрнян не по себе, зачем говоришь ей все эти бессмысленные вещи? Ни с того ни с сего, только нервы треплешь.

Я не ответила, лишь продолжала смотреть на Цуй Мин-дэ. Выражение её лица по-прежнему было бесстрастным, и даже слова звучали ровно, пронизанные врождённым отстранённым безразличием:

— Ты с детства изучала «Тао» и «Люэ», в десять лет рассуждала о стратегиях перед двором, в пятнадцать писала военные трактаты, создала тайный шифр для игр с домочадцами — даже твой отец не мог постичь его сути. И ты не в силах понять пару простых слов?

Дугу Шао напряжённо улыбнулась:

— Военное искусство и ваши заумные словеса — совсем разные вещи. Я действительно не понимаю.

Цуй Мин-дэ тихо вздохнула:

— Тогда скажу прямо: я, тебя, не, люблю.

Дугу Шао всё же нашла предлог и стремительно вышла.

Когда в комнате остались мы вдвоём, у меня внезапно созрел план.

— Эрнян, не хочешь сыграть ещё партию? — спросила я Цуй Мин-дэ.

Она промолчала, лишь молча взяла в руку игральные кости. Я остановила её:

— Лучше я начну. Вчера сверчки трещали всю ночь, спать не давали, сейчас я не в форме. Уступи мне.

Она передала кости мне. Я сделала необдуманный ход, внимательно следя за её действиями. Её лицо оставалось предельно спокойным, будто ничего не произошло. В начале игры в её манере ещё чувствовалась острота, но после десятка ходов концентрация стала ослабевать. Я специально оставила несколько уязвимых мест, но она упустила одно из них, позволив мне в конце переломить ход игры и одержать победу. Она отбросила фишку:

— Я тоже не могу сосредоточиться. Эта партия — моё поражение.

Я была удивлена, что она так быстро признала поражение, и не сразу нашлась, что ответить. Помолчав, наконец усмехнулась:

— Эрнян не боишься, что я разглашу это и запятнаю репутацию твоего клана Цуй из Цинхэ?

Цуй Мин-дэ ответила:

— Эрнян не боишься, что я разглашу твои дела с Вэй Хуань и погублю её жизнь?

Моё хладнокровие уступило её. Я тут же наклонилась вперёд и с ненавистью в голосе выкрикнула:

— Посмей!

Только произнесла это, я поняла, что уже проиграла, и зло добавила:

— Веришь, что стоит мне захотеть — и я в два счёта уничтожу твою ветвь, Цуй Цзяо?

Её лицо не дрогнуло. Она подняла чашку, отпила и сказала:

— Если бы Эрнян и впрямь имела такое намерение, то могла бы, во-первых, сфабриковать обвинения, оклеветать меня перед Их Величествами и навлечь беду на мой клан. Во-вторых, могла бы дать указания подчинённым посягнуть на нашу родовую собственность, разрушив основу нашего существования. В-третьих, могла бы подделать указ, мобилизовать войска и силой атаковать наш дом. Эрнян, будучи принцессой, может уничтожить не только одну ветвь, но и весь мой клан — вопрос лишь в том, насколько ты готова зайти ради Вэй Хуань.

Она снова испытывала меня, и я угодила в её ловушку, полностью выдав свою огромную привязанность к Вэй Хуань. В досаде я сжала кулаки и, понизив голос, попыталась исправить оплошность:

— Следи за языком. Какие ещё «поддельные указы», «силовые атаки» — разве подданной пристало так говорить?

Она слегка улыбнулась и поставила чашку:

— Дугу Шао всегда жаловалась, что я говорю недостаточно прямо. Сегодня я решусь быть откровенной до конца. То, что Дугу Шао испытывает ко мне чувства, — её личное дело, к моему клану Цуй не имеющее никакого отношения. Мало того, что даже если это станет известно, всё спишут на детские игры между девицами — стоит ей выйти замуж и родить наследника, как всё само собой рассосётся, не оставив и следа. Даже если это вызовет пересуды среди ши* и всеобщее осуждение, виноваты будут она и её клан Дугу. Мой клан Цуй, безвинно пострадавший, не только не уронит своей репутации, но и вызовет сочувствие. А при умелом подходе может даже стяжать славу великодушного и благородного рода. С тобой же и Вэй Хуань дело обстоит иначе. Ты — единственная дочь Её Величества. Если об этом станет известно, тебя в худшем случае отчитают, максимум — урежут владения. Но учитывая любовь Их Величеств к тебе, очень скоро эти владения, пожалуй, не только вернут, но и приумножат. А вот Вэй Хуань, совратившая принцессу — не торопись, Эрнян, независимо от того, кто кого любит, в итоге всё равно сочтут, что это она тебя совратила, такова родительская логика, тут не поспоришь — как только Их Величества узнают, её участь и без меня ясна. Тем более, она — будущая супруга наследного принца. Если это вскроется, её семья лишится надежд на возвышение, и в накопившейся злости, как они станут обращаться с ней и Вэй Ушэнжэнем, тоже объяснять не нужно.

Я нахмурилась:

— Я-то думала, ты и Дугу Шао дружите со мной в надежде через меня сблизиться с матушкой. Оказывается, нет? Или ты считаешь, что уже при дворе и больше во мне не нуждаешься?

Цуй Мин-дэ ответила:

— Эрнян неправильно меня поняла. Я намеренно говорю так прямо не для того, чтобы

оказывать на тебя давление, а чтобы продемонстрировать свою искренность.

Я удивлённо приподняла бровь, глядя на неё. Она улыбнулась:

— Мой клан Цуй, начиная со времён Хань, существует уже тысячу лет. В каждом поколении рождались таланты, знания копились непрерывно, и род наш по праву считался знатным. Увы, с конца Суй и до наших дней правящие императоры ограничивали наш клан, конфисковывали наши земли, запрещали браки между аристократическими родами, пересматривали списки знатных семей. Поколение за поколением мы клонились к упадку. Сегодня, хоть мы и почиваем на старых заслугах, кичимся громким именем, упадок уже очевиден. Если не принять мер, боюсь, через сотню лет в «Шицзучжи»** имени Цуй уже не останется. Мой дед желает, чтобы потомки рода служили на государственных постах, прославились в своё время и вновь возвысили имя семьи. Однако в наше государство важные должности зачастую занимают заслуженные сановники и военная знать. Учёные мужи, даже обладающие безупречной репутацией, получают лишь почётные, но не влиятельные посты — внешний лоск без реальной пользы. А чтобы занять действительно важный и почётный пост, необходимо личное доверие и благосклонность императора.

* Ши (шэ) — сословие служилых людей, учёных-чиновников.

** «Шицзучжи» (Трактат о кланах и родах) — официальный реестр знатных семей.

В наше время пренебрегают чинами и званиями, возвеличивая знатные фамилии. Великие кланы, даже обнищав, кичатся своим происхождением и ни за что не признают своего упадка. Да и большинство в Поднебесной по-прежнему преклоняется перед аристократией. Даже такие, как Вэй Чжэн, наперебой стремятся породниться с знатными родами. Один из канцлеров при покойном императоре Тай-цзуне*** и вовсе сказал, что всю жизнь жалел лишь о том, что не смог взять в жёны девушку из «пяти знатных фамилий»****. Я-то думала, твоя семья придерживается тех же взглядов. Теперь же вижу, что твой дед — человек исключительно прозорливый. Он понимает, что новая династия укрепилась, в мире воцарилось спокойствие, и если не примкнуть к двору, не обеспечить потомкам государственную службу, род неминуемо придёт в упадок. Лучше уж, пока не скатились до третьестепенных родов, действовать на опережение — сначала обеспечить потомкам официальные посты, а уж потом думать о репутации. Но если так, почему же тогда они отказались от брака с наследным принцем? В нынешних условиях, когда сыновей ценят больше дочерей, примкнуть к влиятельному принцу, да ещё и наследнику престола, должно быть куда выгоднее, чем к безвластной принцессе. Стоило клану Цуй выдать за него дочь — и они навеки связали бы свою судьбу с наследным принцем, делили бы с ним и радости, и горести. Вот уж где истинное, несметное богатство! Хотя... ныне наследный принц низложен... низложен...

*** Тай-цзун — храмовое имя императора Ли Ши-миня (599-649).

**** «Пять знатных фамилий» (пять могущественных аристократических кланов (Лунси Ли, Чжаоцзюнь Ли, Бохай Гао, Цинхэ Цуй, Фаньян Лу), браки с которыми считались особенно престижными в ранний период Тан).

Я резко подняла голову и посмотрела на Цуй Мин-дэ. Она, казалось, читала мои мысли и с заметной долей самодовольства произнесла:

— Когда вышел императорский указ, дед колебался. Это я убедила его отказаться.

Я ахнула:

— Не верю. Сколько тебе тогда было? Тринадцать? Четырнадцать? В вашей семье, с её устоями, дед послушался бы мнения юной девицы и поставил на карту судьбу всего рода?

Она парировала:

— Эрнян сейчас четырнадцать, и уже прекрасно разбираешься в делах, далеко опережая своих братьев.

Я знала, что она, хоть и высокомерна, отнюдь не безрассудна. Если она говорит так уверенно, значит, это, скорее всего, правда. Внутри у меня всё сжалось от ужаса. К тому же, от такой, как она, слова «прекрасно разбираешься в делах» звучали двусмысленно — то ли искренняя похвала, то ли тонкая насмешка. Подумав, я изобразила кривую улыбку:

— Говоришь так, будто твой клан Цуй выбрал меня, чтобы всей семьёй ко мне примкнуть. Я всего лишь женщина, не старшая в императорском доме, не обладаю великой прозорливостью. Не могу я нести ответственность за судьбы стольких людей. К тому же, раз уж ты сумела привлечь внимание матушки, твоя семья, должно быть, уже засвидетельствовала ей свою преданность. К чему тогда обсуждать такие государственные дела со мной, маленькой принцессой?

Цуй Мин-дэ сказала:

— Тяньхоу — это Тяньхоу, а принцесса — это принцесса. Мой дед желает служить Тяньхоу, а я желаю служить тебе. Разве это плохо, Эрнян?

Я пристально посмотрела на неё:

— Цуй Чжи-сюнь и его братья дружат с Шестым принцем*****. Твой дед через тебя примкнул к матушке, а теперь ты говоришь мне всё это. Ваш клан действует наверняка. Но включить в свои расчёты ещё и меня — не слишком ли осторожно?

***** Шестой принц (шэстой) — один из сыновей императора, брат главной героини.

<http://bllate.org/book/16278/1466816>